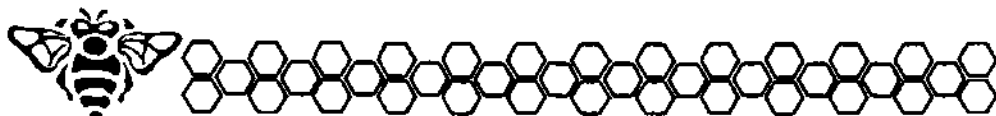
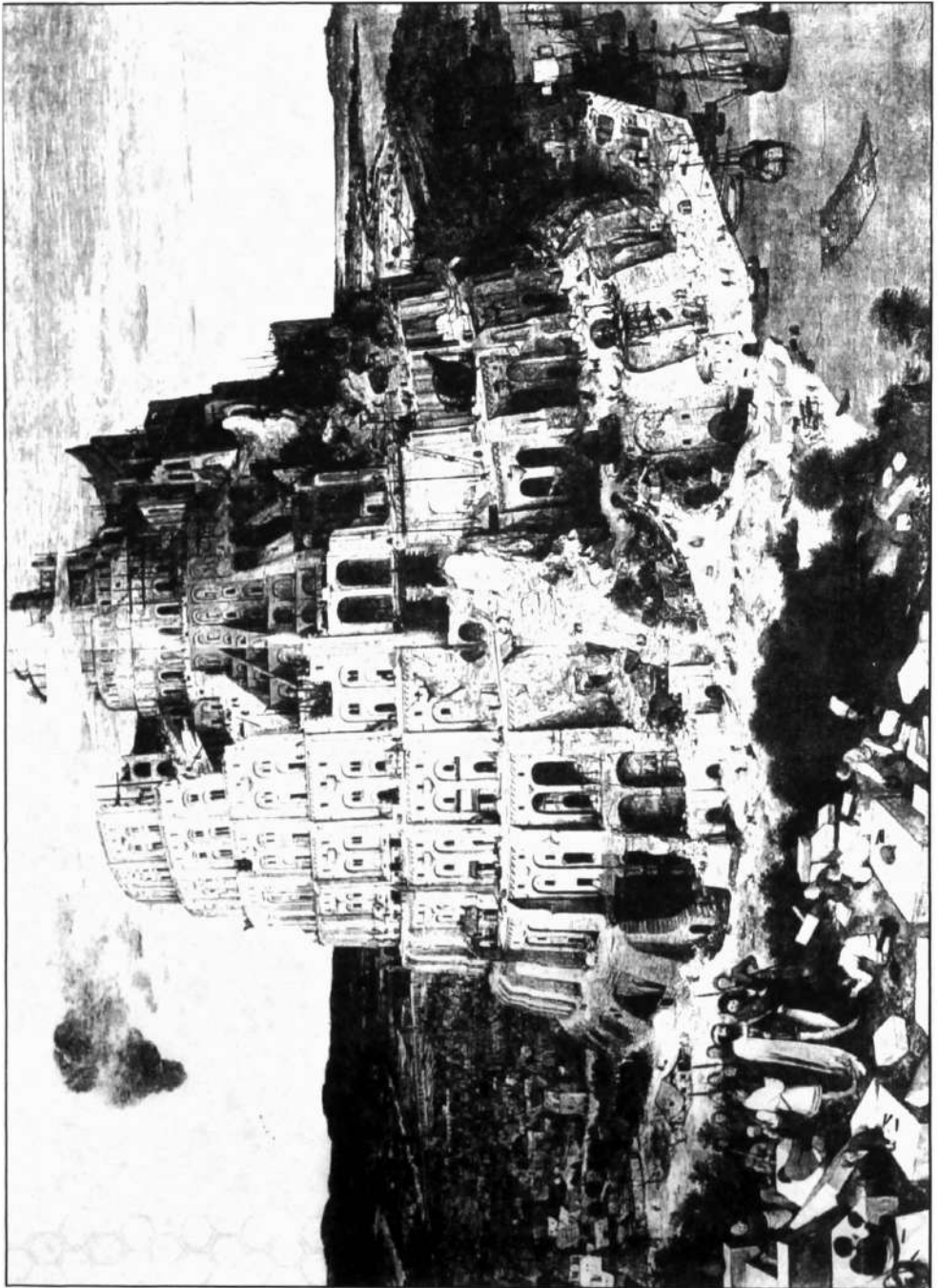

STUDIA HISTORICA

М. Н. Губогло

**ЯЗЫКИ
ЭТНИЧЕСКОЙ
МОБИЛИЗАЦИИ**

**ШКОЛА
«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»
Москва 1998**

Губогло М. Н.

Г 93 Языки этнической мобилизации. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. — 816 с., 1 ил.

ISBN 5-7859-0065-3

Тематика произведений, включенных в предлагаемое издание, предопределена замыслом автора познакомить читателя с двумя направлениями исследований, осуществляемых в рамках этнографии-этнологии.

С одной стороны, в них анализируются объективные факторы, истоки, предпосылки и механизмы этнической мобилизации, показана неоднозначная, а порой и противоречивая роль элитной и творческой интеллигенции в использовании интегрирующей силы языка и других культурно-психологических явлений, символов, маркеров и мифов как в подъеме национального самосознания и в цементировании внутринациональной консолидации, так и в коррозии межнациональной солидарности.

С другой стороны, рассматриваются некоторые принципы и подходы в изучении двуязычия, этничности, идентичности и элементов этнической идентификации, благодаря которым становится возможным осмысление сущности и значимости этнической мобилизации, а также ее влияние на формирование этнополитической ситуации.

На контртитule — картина Питера Брейгеля Старшего «Вавилонская башня» (Венский Художественно-исторический музей); ее описание см. на страницах 8–9.

ББК 63.52(2Рос)

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su) the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavik@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства Школа «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

© М. Н. Губогло, 1998

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо введения

Истоки и горизонты этнической мобилизации	11
---	----

Часть I. Язык, двуязычие, этничность

1. Интегрирующая функция языка	29
2. Языковые контакты и элементы этнической идентификации	45
3. К изучению двуязычия в истории народов мира	51
4. К изучению двуязычия в культурно-историческом аспекте	69
5. Современные этноязыковые процессы. (Опыт, уроки и задачи этносоциологического изучения)	89
6. Двуязычие у национальных меньшинств Вьетнама: факторы распространения	113
7. Факторы и тенденции развития двуязычия русского населения, проживающего в союзных республиках	128
8. Как два крыла в полете	154

Часть II. Мобилизованный лингвизм

Введение	163
----------------	-----

Раздел 1. Языковая реформа

1.1. Соотношение структурной и функциональной сторон языка в документах языковой реформы	177
1.2. Триумфальное шествие языковой реформы, или из истории огосударствления языковой политики	191
1.3. Государственный язык. Сущность. Компетенция. Внедрение	200
1.4. Цели языкового законодательства	211
1.5. Языковые права и языковые обязанности	224
1.6. Идеология огосударствления языков	246
1.7. Русский язык. Проблемы понижающегося статуса	257
1.8. Призрачные перспективы языков национальных меньшинств	279
1.9. О соотношении внутриреспубликанских и межреспубликанских аспектов языковой реформы	298
1.10. Противоречивое наследие Союза. Свет и тени двуязычия ..	312

1.11. Правовые аспекты двуязычия в законах о языке (и языках) .	324
1.12. Функции языковой реформы-89 г.....	334
Заключение	352
<i>Раздел 2. Условия, механизмы, способы реализации языковых законов</i>	
Введение	355
2.1. Законодательные и исполнительные механизмы по реализации языковой реформы	359
2.2. Кто и как готовил законы языковой реформы	369
2.3. Порядок и этапы реализации законов языковой реформы (хронологический аспект)	392
2.4. Государственные программы по реализации языковой реформы (планово-организационный аспект)	406
2.5. Государственный язык и регулирование межнациональных отношений (этнополитический аспект языковой реформы)	414
2.6. Экономические аспекты языковой реформы	420
2.7. Вопросы обучения государственному языку (этнопедагогический аспект)	426
2.8. Вопросы научно-методического обеспечения языковой реформы	437
2.9. Оппозиция мобилизованного лингвизма	449
2.10. Запоздалое сопротивление Центра	454
2.11. Языковой режим и равноправие языков. Сферы взаимодействия и критерии баланса	458
2.12. Этнопсихологический аспект	463
Послесловие.....	468
Приложение. Этностатистическая панорама языков народов Советского Союза накануне его распада. Национальности, родные языки и свободное владение вторым (русским) языком. (По материалам переписи населения 1989 г.)	478

Часть III. Логика и психология мобилизованной этничности

1. Расскази, караван, расскази... (О роли творческой интеллигенции в формировании национального самосознания)	485
2. Энергия памяти. (О роли творческой интеллигенции в восстановлении исторической памяти)	497
2.1. Непрерывная связь поколений	497
2.2. Прости им, ибо не знают, что делают, или наступление на память	499
2.3. Контрнаступление... или борьба за память	505
2.4. Воскрешение памяти... или национальная проблематика в системе ассоциаций романа «И дольше века длится день»	515
2.5. Освобождение памяти или о судьбе исторической личности	517

2.6. Память и беспамятство родной земли	524
2.7. Вулканы памяти... или социальные и экологические беды нашего времени	529
2.8. В начале было Слово... или о роли языка в национальном возрождении	533
2.9. Обретение памяти... или о месте религии в воспроизводстве этничности	541
2.10. Трагический колодец памяти... или о беспамятстве личности	550
2.11. Противостояние этноциду... или неисчерпаемые ресурсы исторической памяти	552
2.12. Промахи в раскрепощении памяти	563
2.13. От художественного творчества к политической деятельности	577
2.14. Мобилизация памяти... или о положении русского и русскоязычного населения в ближайшем зарубежье	595
3. Сопротивление. К изучению национально-освободительного движения депортированных народов на примере крымских татар. (От истоков движения до середины 1980-х годов)	604

Часть IV. Принципы и факторы этнической мобилизации

1. Типология этнических сред при этносоциологическом изучении языковых процессов.	665
2. К изучению тюркоязычного населения Юго-Восточной Европы в свете современных задач балканистики	681
3. Национальные группы и меньшинства в системе межнациональных отношений в СССР	691
4. О задачах этнополитической антологии	711

Часть V. Формирование российской государственно-гражданской общности (РГГО)

1. Этногенетические портреты. Кто мы? Откуда? Какие мы?	729
2. Этностатистические портреты. Народы в таблицах или таблицы о народах?	734
3. Симбиоз этнической и гражданской идентичности	738

Примечания	767
-------------------------	-----

Авторский комментарий	807
------------------------------------	-----

Питер Брейгель. «Вавилонская башня»

Один из шедевров коллекции Венского Художественно-исторического музея — картина Питера Брейгеля Старшего «Вавилонская башня» — не случайно стал изобразительным эпиграфом предлагаемой книги. Башня, возведенная до небес гигантскими усилиями того муравейника, которому уподоблен на картине род людской (микроскопические фигурки строителей едва различимы на строительных лесах, лестницах, площадках, у подножия недостроенного гиганта, в его многоступенчатых ярусах и галереях), оказывается бессмысленным сооружением, практически непригодным для человеческого существования. Архитектурная идея амфитеатра, заимствованная из античной классики (интерес к которой был высоко развит у мастеров Возрождения), доведена здесь до абсурда. Римский Колизей, на который похожа башня Брейгеля своей общей центрической и ярусной композицией, был в высшей степени функционален. Его назначение было понятно, его трибуны окружали широким амфитеатром залитую светом арену... Здесь же бесконечные аркады, пронизывающие здание радиальными анфиладами, ведут к центру — в мрачную глубину, где нет ни света, ни воздуха. Одинаковые ячейки, вид которых открывается через недостроенные своды, подобны отсекам пчелиного улья или кельям гигантского монастыря, но во всех случаях, изолированные друг от друга толстыми глиняными стенами, заложенные глухими арками, почти лишенные света, они не могут служить ни для общения, ни для единения людей.

В этом умопомрачительном доме невозможно жить, в этом храме невозможно молиться, в этой крепости не найти защиты ни от Божьей кары, ни от врага, ни от иноязычного соседа, ни от суда собственной совести.

Библейские и добиблейские легенды о Вавилонской башне, вавилонском столпотворении и наказании Божьем за второе грехопадение волновали не одно поколение мыслителей и художников. Обольщенные хитрым змеем, Адам и Ева вкусили запретный плод, за что все человечество понесло суровое наказание. Мужчинам досталось добывать хлеб насущный «трудом в поте лица» («со скорбью будешь питаться... во все дни жизни твоей»), а женщинам — в муках рожать детей («умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рожать детей»).

В отличие от первого, второе грехопадение было связано с непомерной гордыней людей, вознамерившихся бросить вызов Богу и с помощью Вавилонской башни, строительного чуда той эпохи добраться до самого неба. Ответом на это кощунственное самопревознесение человека стало смешение языков — вавилонское столпотворение. Лишившись общего языка, люди перестали понимать друг друга, и громада Вавилонской башни осталась недостроенной. Однако за этим первоначальным смыслом в контексте Священного Писания кроется еще один, внутренний, философский, смысл.

Человечество было наказано не многоязычием, так как сколько бы оно ни стремилось нивелировать различия между народами и языками и культурами, эти различия навсегда останутся фактором этнической

истории и этнической картины мира. Наказание последовало, как осознал в свое время Н. С. Трубецкой, за попытки построения Вавилонской башни, олицетворяющей не только самоуверенное восхождение к Богу, но и к единой, общечеловеческой культуре, лишенной индивидуальных национальных признаков и вследствие этого чрезвычайно односторонней, бесплодной и бездуховной. Смешение языков человечества стало предпосылкой и прообразом национального раздробления и существования такого этнокультурного плюрализма, когда на одной и той же территории, в одной и той же стране, городе, поселке стали жить люди разных национальностей, порой не понимая друг друга.

Смысловая нагрузка библейской легенды содержала признание того, что чрезмерная до безбожности технологизация общества может легко довести до высокой степени сумасшествия, подобной замыслу воздвижения Вавилонской башни. В какой корреляции находилось это коллективное помешательство с библейской версией генетической однородности человечества («На всей земле был один язык и одно наречие»), с ее новой, предпринятой в научном коммунизме, парадигмой («слияние наций») или, наконец, национальной политикой, ориентированной на конструктивизм и инструментализм и ведущей к такой общечеловеческой культуре, в которой не останется места для развития национальных культур отдельных народов, — это особая тема для размышлений.

Справедливости же ради надо признать, что этнокультурный плюрализм, демонстрируя духовное и творческое богатство человечества, вместе с тем действительно вносит некоторые ограничения в межэтнические и межгосударственные контакты. Тем более высокой становится цена таким механизмам, как, например, двуязычие, позволяющим преодолевать барьеры, воздвигнутые многообразием национальных культур. Поэтому позволительно выделить еще одну смысловую парадигму Вавилонской башни в альтернативной форме: или человечество остается этнически разделенным, а башня — недостроенной, или же люди находят общий язык, например, *lingua franca*, и тогда строительство башни продолжается. Многослойность и многозначность ассоциаций, вызванных гениальным произведением искусства, позволяет нам языковую, а вместе с нею и этническую проблематику, с которой теснейшим образом связана философская символика притчи о строительстве Вавилонской башни, соотносить с более широким социальным контекстом, задаться вопросом, достижимы ли были высокие цели давних и поздних социальных экспериментов, в том числе на почве этнического предпринимательства? Насколько помогало взаимопонимание и согласие — племенам, народам, человеческим индивидуумам? Какие бездны отчуждения открывались перед теми, для кого «другой язык» становился синонимом «другого» мышления, «других» целей, «другой» системы ценностей, девиантным знаком общественной несовместимости? Как сильно значимо это и в наши дни, когда с политической сцены сходят великие державы, не совладавшие со своим этническим фактором!

Светлой памяти моих родителей
Димитры Степановны
и Николая Петровича
посвящается

Вместо введения

ИСТОКИ И ГОРИЗОНТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ

Сегодня, на исходе уходящего века, когда до начала третьего тысячелетия остается немногим более одного года, мало кто сомневается в том, что этнический фактор сыграл выдающуюся роль в XX столетии, в том числе в деле распада таких многонациональных государств, как досоветская Россия, СССР, Чехословакия, Югославия, или, напротив, в деле воссоединения этнически разорванных Вьетнама и Германии. В итоге произошли серьезные, поистине тектонические сдвиги, изменившие как политическую карту мира, так и предметную область ряда гуманитарных дисциплин, и прежде всего этнологии, как науки, изучающей народы мира. И как бы профессионалы — этнографы и этнологи — ни стремились сдерживать и ограничивать интервенцию политической проблематики в ее предметную область, этнология сегодня воспринимается наукой крайне необходимой обществу и государству. При этом подпитка органов управления этнической информацией является далеко не единственной, хотя и, увы, одной из более или менее оплачиваемых функций в условиях перехода к рыночной экономике. Надо лишь отдавать себе отчет и хорошо понимать, что, во-первых, расходы на ее развитие берет на себя не бюрократия и чиновничество, а налогоплательщики, а во-вторых, в новейших этнополитических стратегиях должен иметь место последовательный переход от навыков «потребления этнической информации» к навыкам «ставить и решать задачи», уважая при этом право каждой этнической общности самой определять, какие именно задачи являются для нее приоритетными.

Одной из ключевых тем для этнологии на рубеже тысячелетий становится проблематика, связанная с этнической мобилизацией и мобилизованной этничностью. Сколько-нибудь удовлетворительной концепции мобилизованной этничности пока не существует. Очень медленно

и противоречиво складываются представления о сущности этнической мобилизации, о ее движущих силах и формах проявления, о ее роли в процессах демократизации и модернизации.

Взятый на вооружение отдельными исследователями (В. А. Тишков, С. М. Червоная, Л. М. Дробижева) концепт «этнические предприниматели» встречает сопротивление со стороны ученых, близких к кругам этнической и политической элиты в республиках. Разброс мнений весьма широк: от понимания этнической мобилизации как стратегии самовывживания и самосохранения этнической общности и ее этнокультурной и этноязыковой самобытности до радикализованной борьбы этнических лидеров и элит за создание моноэтнической государственности согласно бесхитростной парадигме: одна этническая общность — одно государство, под лозунгами: «Грузия для грузин!», «Латвия — для латышей!», «Молдова — для молдаван!»

И хотя именно этническая мобилизация актуализировалась до уровня фактора, меняющего политическую карту мира, до сих пор нет сколько-нибудь убедительной теории или концепции этого феномена. В лучшем случае можно опираться на отдельные высказывания, фрагментарные комментарии или отрывочные результаты этносоциологических исследований.

Предлагаемая книга, ее вызывающим названием, призвана сыграть катализирующую роль, так как предполагает скорее постановку новых вопросов, связанных с природой этнической мобилизации, нежели попытку найти ответы на них.

Главная цель книги заключается в том, чтобы показать, что еще задолго до распада Союза в лоне этнографии появились интересные, хотя и невероятно трудные вопросы, актуальность которых уже в первые постсоветские годы стала особенно очевидной и востребованной. Иными словами, взглядемся в результаты этносоциологических исследований и увидим, что истоки изучения этнической мобилизации легко обнаруживаются там, в 60—70-х годах XX столетия, где зарождалась этносоциология, этнопсихология, социальная этнолингвистика, в то время как горизонты подобных исследований простираются уже в следующее тысячелетие.

Это было время, когда у специалистов по социальной и этнической истории народов обострилось чувство неудовлетворенности концептуально-попятыйным оснащением и инструментально-методическим аппаратом тогдашней этнографии, модернизацию которой блокировали как ее собственные сильные и глубокие традиции, так и проникающие всюду идеологические скрепы.

Уже со времен хрущевской «оттепели» этнический фактор начал давать о себе знать настолько сильно, что в обществе возникло некое беспокойство и стал формироваться социальный заказ на более глубокое понимание сущности и содержания современных этнических процессов.

Даже в глухие времена брежневского развитого социализма, когда по велению сверху считалось, что национальный вопрос в Советском Союзе решен окончательно, с юбилейной трибуны Всесоюзной конференции, посвященной 50-летию СССР, наперекор официозу прозвучал трезвый голос академика М. П. Кима: «национальный вопрос... будет стоять вечно!» И этнографам, находящимся в те времена на обочине политической ситуации, в силу специфики их предметной области, несколько легче, чем их коллегам по смежным нишам исторической и философской науки, перейти к выполнению социальных заказов вместо социальных приказов.

Речь идет прежде всего о круге проблем, связанных с этничностью, элементами этнической идентификации и двойственной ролью языка и двуязычия во внутривнутриэтнической консолидации и в межэтнической солидарности. Предложенные в этнографических и этносоциологических трудах 70–80-х годов идеи о смещении этнической специфики с материальной в духовную сферу (Ю. В. Бромлей, Л. М. Дробижкева), об информационной модели этноса, этничности и интерэтничности культуры (С. А. Арутюнов), об этнической стратификации и принципиальной роли социальных структур этнических общностей и этнической вариативности социальной структуры советского общества (Ю. В. Арутюнян), об этнофоре и компонентном строении этноса (В. В. Пименов), об этничности, двуязычии, элементах этнической идентификации и интегрирующей роли языка (М. Н. Губогло) и ряд других засвидетельствовали неудовлетворенность сложившейся концептуально-терминологической традицией и необходимость поисков новых подходов в изучении сущности этнических явлений и межэтнических взаимодействий. В конечном счете это были тогдашние ответы этнографов и этносоциологов на сегодняшние и завтрашние этнополитические вызовы. Всем им был присущ дух поиска и надежд.

Именно в эти и в последующие постсоветские годы были написаны большинство работ, включенных в данную книгу, сквозная тематика которой — языки этнической мобилизации — и стала ее названием. Они охватывают четвертьвековой период с 1971 г., когда были подготовлены и прочитаны доклады об элементах этнической идентификации, об интегрирующей функции языка, до апреля 1998 г., когда в

г. Оренбурге состоялся доклад об этнической и гражданской идентичности на выездном заседании Президиума Ассоциации этнологов и антропологов России.

Все остальные работы, написанные или исполненные между этими двумя докладами, в том числе одна книга в виде монографии и другая в виде учебного пособия, в той или иной мере связаны с идеями идентификации идентичности, роли исторической памяти, языка и двуязычия, мобилизованного лингвизма в этнокультурной истории и в этнополитических процессах. При этом выдающаяся роль языка в процессах этнической мобилизации отражена в композиционной структуре книги. Ее первые две части посвящены языку, языковым контактам, двуязычию, в том числе в истории народов мира и в перетягивании каната между Москвой и бывшими союзными республиками на закате существования Советского Союза. При этом особое внимание уделяется теории и истории мобилизованного лингвизма, представляющего собой идеологию, практику и этнополитическую деятельность, направленные на создание национальной государственности с помощью предварительного утверждения статуса государственного языка как основы национального возрождения, а также проведения кадровой политики, ведущей к установлению этномонополии во власти.

Развал Советского Союза начался с мобилизованного лингвизма, благодаря которому языки титульных национальностей были возведены в статус государственных языков, практически заблокировали доступ представителей нетитульного населения в кабинеты власти и содействовали достижению трех результатов: форсированной неокоренизации аппаратов управления, становлению этнократических режимов в бывших союзных республиках и, наконец, распаду Союза. Принимая во внимание эту логику коллективных действий, можно было бы предположить, что противодействие дезинтеграционным процессам и нейтрализация угроз внутригосударственному единству каждой из многонациональных постсоветских стран должны начаться с демобилизации (в смысле — размобилизации) мобилизованного лингвизма, т. е. с либерализации языковых режимов путем перехода от официального одноязычия к официальному двуязычию. В этом случае можно было бы, например, надеяться, что введение официального двуязычия в Республике Молдова путем придания русскому языку статуса государственного языка наряду с молдавским, оказалось более продуктивным, чем утомительные и бесполезные переговоры между элитами Кишинева и Тирасполя, когда каждая сторона прекрасно видит свет в конце тоннеля, но не спешит идти ему навстречу. Бог сме-

шал языки народов, чтобы люди перестали понимать друг друга. Но люди придумали двуязычие и преодолели наказание Божье. При вдумчивом анализе ситуаций, подобным Приднестровским, создается впечатление, что эту истину понимают далеко не все политики. Иначе чем можно объяснить то упорное стремление, с которым в некоторых республиках Российской Федерации принимаются законы, дающие языковые преимущества лицам одной национальности, как правило, титульной, для «хождения во власть», для занятия кабинетов на Олимпе государственной власти.

В более откровенной форме, часто доходящей до радикализма, требуют приоритеты для «своей» нации лидеры национальных и проэтнических движений, общественных объединений и организаций, партий и обществ. При этом программные документы некоторых из них не отличаются логикой, не блещут мастерством или глубокой аргументацией. Так, например, в «Программе» Исламской демократической партии Татарстана (ИДПТ) в одном случае решительно отвергаются «любые привилегии в распределении материальных благ в сфере социальных услуг», а в другом, тут же рядом, буквально в соседнем абзаце того же самого документа говорится о необходимости «осуществить неотложные меры по обеспечению коренного (т. е. татарского. — М. Г.) населения республики жильем, работой, детскими садами и другими услугами инфраструктуры» (Суверенный Татарстан: Документы. Материалы. Хроника / Автор-составитель Д. М. Исхаков; Под ред. М. Н. Губогло. Т. III. С. 259).

Неадекватное понимание угроз мобилизованного лингвизма уже сегодня «развело» республики Российской Федерации по разные стороны этнополитической линии. В одних республиках, как, например, в Башкортостане, избирательное законодательство и закон о Президенте утверждают норму, согласно которой Президент страны должен свободно владеть языком титульной национальности. В то же время, как показали представительные этносоциологические опросы, именно этой «нормы» во время парламентских выборов в 1993 г. придерживались лишь 49,5% татар и 46,3% русских в городах Башкортостана, в 1995 г. — соответственно — 45,4% и 48,2%. Если же принять во внимание, что русскоязычное население этой республики не владеет башкирским языком, то требование закона владеть башкирским языком на практике означает требование от кандидата в президенты этой республики быть башкиром по своей национальной принадлежности. Между тем те же самые этносоциологические опросы выявили, что с подобной точкой зрения («чтобы Президент был башкиром по нацио-

нальности») в 1995 г. не были согласны 22,0% башкир, 69,3% татар, 74,6% русских и 74,1% представителей всех остальных национальностей, проживающих в городах Башкортостана. В других республиках, как, например, в Республике Марий Эл, Чувашии и Адыгее, языковые ограничения для претендентов на высший государственный пост снимаются в одном случае в законодательном, в другом — в судебном порядке: с помощью Верховного Суда Республики в Чувашии и решением Верховного Суда России — в Адыгее.

Две другие части книги (III и IV) составлены из произведений, в которых отражена роль творческой интеллигенции и художественной литературы в воспитании и в подъеме национального самосознания, без которого этническая мобилизация вряд ли может рассчитывать на какие-либо стратегические достижения.

Особенно характерен в этом отношении пример этнической мобилизации гагаузов, закончившийся принятием в декабре 1994 г. Закона «Об особом правовом статусе Гагаузии («Гагауз-Ери»), согласно которому гагаузы обрели территориальную автономию в рамках Республики Молдова. Путь к этнонациональному самоопределению оказался весьма трудным, едва не закончившимся трагедией осенью 1990 г., когда бывший премьер Мирча Друк повел своих волонтеров покорять Гагаузию. Подобно роману Чингиза Айтматова «И дольше века длится день» роман Диониса Танасогло «Узун Керван» сыграл большую роль в подъеме национального самосознания. Закон, ставший ответом на вызовы этнической мобилизации гагаузов, сыграл позитивную роль не только в самосознании этого народа, в стабилизации этнополитической обстановки, но и открыл Республике Молдова двери в Совет Европы и в Сообщество цивилизованных европейских государств. Наряду с языком, в этнической мобилизации, в складывании той или иной (мирнолюбивой или конфликтной) атмосферы в межнациональных и межъязыковых отношениях немалую роль играет демографический фактор.

Это стало ясным еще на заре развертывания первых этносоциологических исследований, когда потребовался строгий учет численного соотношения контактирующих народов, что и привело к созданию серии работ, раскрывающих роль расселения в этноязыковых и этнопсихологических процессах. Одна из таких работ написана еще в 1978 г. и посвящена типологии этнических сред, без учета которой сегодня трудно себе представить грамотные выборки опросов, адекватно репрезентирующие в общественном мнении национальные интересы и межнациональные отношения. В двух других статьях рассматриваются место и роль национальных меньшинств (на примере СССР и Юго-